

Протокол допроса бывшего сотрудника НКВД Малышева Н.Е.

1955 года августа месяца 26 дня

город Новосибирск

Помощник военного прокурора Западно-Сибирского военного округа подполковник юстиции **ЧУРЛЯЕВ** допрашивал нижепоименованного в качестве свидетеля с соблюдением ст.ст. 162-168 УПК.

МАЛЫШЕВА Николая Евгеньевича, 1916 года рождения.

ВОПРОС : Скажите Вы работали в УНКВД Новосибирской области, если то когда и в какой должности?

ОТВЕТ: В феврале 1937 года я был принят на службу в органы УНКВД Новосибирской области и направлен в межкраевую школу УНКВД Новосибирской области, находившуюся в гор. Новосибирске. В школе я проучился до осени 1937 года, а затем для прохождения оперативно-чекистской практики, был направлен в Каменский оперсектор Западно-Сибирского края, но в конце 1937 г. для дальнейшего прохождения практики был переведен в УНКВД Новосибирской области, где был назначен временно-исполняющим обязанности оперуполномоченного третьего отдела, первоначально первого отделения, начальником которого был **ПАРФЕНОВ**, а его заместителем **МАЛОЗОВСКИЙ**, а затем был переведен на эту же должность в четвертое отделение («прибалтийское». прим.автора), где обязанности начальника отделения исполнял **ЭДЕНБЕРГ** в этом, т.е. 4 отделении пробыл до начала 1939 года. С 1939 года по 1941 год я работал в разных отделениях, но все в том же третьем отделе, где начальником был **ИВАНОВ Федор Николаевич**. С 1941 по 1942 г. работал следователем следственной части УНКВД, а затем был со следственной работы переведен на оперативную работу на должность старшего оперуполномоченного, там же был заместителем начальника отделения, а затем и начальником отделения оперативного отдела, в оперативном отделе был до 1946 г. В 1946 г. был назначен заместителем начальника 5 го отдела, а затем 7-го отдела и в этой должности доработал до января 1955 года. С января 1955 года работаю в Управлении милиции в должности начальника отделения отдела борьбы с хищениями — «ОБХСС».

ВОПРОС : Расскажите, что Вам известно о фактах грубейшего нарушения социалистической законности со стороны сотрудников УНКВД Новосибирской области при арестах советских граждан и при расследовании этих дел?

ОТВЕТ : Когда я пришел на службу в 3 отдел УНКВД Новосибирской области, а это было в ноябре 1937 года, в то время производился массовый

арест советских граждан, причем арест производился не персонально и не на основании каких либо следственных или оперативных материалов, дающих основания полагать, что то или другое лицо подлежащее аресту совершило какое то преступление, а на основании общих списков, составляемых начальниками отделений и подписываемых начальником отдела ИВАНОВЫМ и утверждаемые начальником Управления. По этим спискам получалась санкция на арест у [прокурора области](#). После чего на основании списка выписывались ордера и арестовывались лица, включенные в список. В тот период третий отдел производил массовые аресты, так называемые «линейные», суть которых заключалась в том, что каждое отделение отдела занималось арестами определенной национальности: так первое отделение где были ПАРФЕНОВ и МАЛОЗОВСКИЙ — занимались немцами и лицами, связанными с немецким консульством, существовавшим в г. Новосибирске и лиц, которые по каким то обстоятельствам были когда либо в Германии.

Второе отделение, где начальником был [БЕЙМАН](#) (осужден), это отделение занималось арестами китайцев, корейцев и лиц прибывших из Харбина, т.е. восточными народностями и лиц, связанных с ними.

Третье отделение — начальник [ШЕСТОВИЦКИЙ](#), занималось в отношении поляков и лиц, связанных с ними, т.е. «ПОВ». Четвертое отделение — исполняющий обязанности начальника отделения был [ЭДЕНБЕРГ](#), это отделение занималось в отношении лиц прибалтийских стран: латышей, литовцев и эстонцев.

Пятое отделение какими лицами занималось я не помню сейчас и кто там был начальником я забыл.

Шестое отделение, начальником был [КОННОВ](#), занималось в отношении кулаков, бывших офицеров царской и белой армий, а также вело следствие в отношении участников «РОВС».

Первое время, т.е с ноября 1937 года по февраль 1938 года я работал в первом отделении у [ПАРФЕНОВА](#), а затем был переведен во второе, точнее в четвертое отделение к [ЭДЕНБЕРГУ](#), где работал с февраля по декабрь 1938 года.

За время работы в отделении [ЭДЕНБЕРГ](#), последний несколько раз с другими оперативными работниками: [ГРИГОРЬЕВЫМ](#), [НЕПОМНЯЩИМ](#) и [ТРУБИЦКИМ](#) и другими посылал по адресным столам гор. Новосибирска для выявления лиц тех национальностей, которыми занималось это отделение, т.е. латышей, литовцев и эстонцев. выявленных таким образом лиц записывали в списки с указанием фамилии, имя и отчества, год

рождения, место работы и адрес и эти списки сдавали [ЭДЕНБЕРГУ](#), что с этими списками делал впоследствии [ЭДЕНБЕРГ](#) я не знаю.

ВОПРОС: Для какой цели собирали сведения по адресным столам в отношении литовцев, латышей и эстонцев?

ОТВЕТ: Как я помню [ЭДЕНБЕРГ](#) говорил тогда, что наше отделение занимается этими лицами, поэтому мы должны знать, сколько таких лиц и что они представляют собой.

ВОПРОС: 8 мая 1941 года Вы в собственноручных показаниях по этому вопросу указывали, что все установленные лица латышской, литовской и эстонской национальностей включались в списки для ареста, а затем эти лица арестовывались. Скажите, эти Ваши показания соответствуют действительности — зачитывает л.д. 183 том 1 дела №1591 по обвинению [ИВАНОВА Ф.Н.](#) Если соответствует действительности, то чем объяснить, что Вы сейчас даете другие показания чем раньше были?

ОТВЕТ: Зачитанные мною собственноручные показания от 8 мая 1941 года соответствуют действительности и я их подтверждаю, но одновременно хочу уточнить, что списки лиц, выявленных нами в адресных столах мы сдавали [ЭДЕНБЕРГУ](#) и часть этих лиц арестовывалась через определенное какое то время. Проводилась ли проверка в отношении этих лиц и какими располагали компрометирующими данными я не знаю. На основании этих данных [ЭДЕНБЕРГ](#) указывал в списках на арест в графе — «компрометирующие материалы» — «перебежчик», «жил за границей» или «антисоветски настроен», мне также неизвестно.

ВОПРОС : Продолжайте свои показания о фактах нарушения социалистической законности.

ОТВЕТ: Как я указал выше, что в то время происходил массовый арест советских граждан, лично я в ночь на основании ордеров иногда по 2-3 человека арестовывал. К проведению этих массовых арестов тогда также привлекались отдельные подразделения НКВД и весь личный состав УНКВД. Расследование этих дел велось в упрощенным способом, все следствие сводилось к получению от арестованного признательных показаний о его принадлежности к контр-революционной организации. Сбор каких либо объективных материалов с целью проверки признательных показаний, тогда не проводился, т.к руководство управлением и отделом требовали как можно больше оканчивать дела в кратчайшие сроки. Арестованные лица нашим отделением, [ЭДЕНБЕРГОМ](#) разбивались на несколько человек между следователями и он давал нам установку, что арестованные лица все являются участниками какой-либо контрреволюционной организации, среди

даваемых нам для следствия лиц называл кого-либо из арестованных, как руководителя контрреволюционной группы или вербовки их, кроме того давал иногда отдельные протоколы допроса участников какой либо контрреволюционной организации и в соответствии с указаниями **ЭДЕНБЕРГА** и протоколов допроса данные им мы следователи обязаны были добиться признательных показаний от арестованных лиц, как участников контрреволюционной группы.

Если арестованные не давали нужных нам признательных показаний, то таких лиц подвергали мерам физического воздействия, применялись «выстойки», т.е. арестованные ставились на ноги в кабинетах следователей и стояли на ногах до тех пор пока не дадут нужных признательных показаний. Как долго стояли арестованные на этих выстойках сказать сейчас не могу. Этот метод физического воздействия на арестованных тогда в отделе и управлении широко применялся и лично я так же применял «выстойки» к арестованным, которые не хотели дать признательных показаний о своей контрреволюционной деятельности.

Кроме того также широко применялся так называемый «конвейер», т.е. непрерывный допрос арестованного. Арестованный при «конвейерном» допросе находился в кабинете у следователя по несколько дней. В первое время в моей работы мне лично приходилось подменять следователей, когда они уходили на отдых, я оставался с арестованными на ночь в кабинете, с задачей не разрешать арестованному отдыхать больше того времени, как установил это следователь. Помню при таком «конвейерном» допросе я подменял несколько раз старшего оперуполномоченного **ДЕЕВА**, когда он вел следствие по делу как будто **ВЕЛИДЕРСКОГО**, имя отчества не знаю. От других сотрудников я слышал, что в то время арестованных, не желающих давать признательные показания о принадлежности к контрреволюционной организации, некоторые сотрудники подвергали избиениям, сам же лично я этого не видел и в своей практике работы не применял.

Следует также отметить, что в то время по многим делам протоколы допроса писали в отсутствие самих арестованных, но такие протоколы, как правило были обобщающими и в отношении какого либо руководителя группы или организации. Такие протоколы лично я переписывал по поручению **КОННОВА** и **ПАРФЕНОВА**, как правило такие протоколы были написаны и откорректированы ими же, а мне они поручали переписать такие протоколы на чистовик. Помню, что эти протоколы были на 20-30 страниц. Переписанные протоколы я сдавал **КОННОВУ** и **ПАРФЕНОВУ**, как они отбирали подписи у арестованных я не знаю, но эти протоколы я писал с признательными показаниями арестованных к контрреволюционной организации и их практической деятельности.

Такие протоколы «обобщающие», как мне известно управлением направлялись в Москву. По каким делам писал я такие протоколы и сколько я сейчас не помню. На этих обобщающих протоколах я своей подписи не учинял, потому, что автором был не я, а кто то другой, т.е. из руководящих работников.

Кроме того, в то время в камерах тюрьмы арестованные подвергались «обработкам» со стороны камерной агентуры, вследствие чего большая часть арестованных, вызванная на допрос давала признательные показания о своей причастности к контрреволюционной организации без каких либо физических принуждений.

Следует обратить внимание, что в то время дела, которые мы расследовали в отношении арестованных лиц их никто не читал, т.к. эти дела подлежали рассмотрению на тройке, но в действительности дела на тройке не рассматривались, а рассматривались на тройке только повестки, которые составлялись начальниками отделений и отделов и докладывались на тройке сотрудником секретариата УНКВД **ИЛЬИНЫМ**, ныне начальник следственного отдела УКГБ Омской области. Это я утверждаю потому, что сам лично проводил следствие и дела из отделения уходили к руководству управления только для подписания обвинительного заключения и кроме того я неоднократно лично наблюдал, как **ИЛЬИН** ходил на доклад «Тройки» только с одними повестками, дел же он не имел. Вышеприведенные мною факты нарушений социалистической законности создавали условия для необоснованного привлечения к ответственности ни в чем неповинных людей.

Пользуясь такой порочной системой работы органов НКВД, некоторые сотрудники третьего отдела в то время чинили полный произвол в отношении советских граждан, заведомо садили ни в чем неповинных людей в тюрьмы и оформляли на них материалы, как на участников контрреволюционных организаций, так например **ЭДЕНБЕРГОМ** была заключена в тюрьму гражданка **МАЦУР**, имени ее не помню, в отношении которой не проводя следствия, написал на нее альбомную справку, как на участницу националистической группы и направил на рассмотрение Особого Сопсовещания НКВД СССР. На основании этой справки **МАЦУР** была осуждена к 10 годам лишения свободы. Когда первый спецотдел стал оформлять для этапа и он потребовал от 3 го отдела дело на **МАЦУР**, то только тогда выяснилось, что на **МАЦУР** никакого дела не было и она никакой участницей контрреволюционной организации не была, а являлась секретной сотрудницей органов УНКВД и **ЭДЕНБЕРГОМ** она использовалась, как камерный агент. Помню, что в Москву посылалась телеграмма о неправильном осуждении **МАЦУР** и я впоследствии выносил постановление об освобождении ее из тюрьмы, как неправильно заключенную под стражу **ЭДЕНБЕРГОМ**. *Нарушения социалистической

законности были со стороны и других сотрудников, но сейчас я их вспомнить не могу.

Протокол с моих слов записан правильно, мною прочитан.

МАЛЫШЕВ.

Допросил: Пом. ВОЕННОГО ПРОКУРОРА ЗАПСИВО

ПОДПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ **ЧУРЛЯЕВ** (Подпись)

Копия верна: ПОМ. ВОЕННОГО ПРОКУРОРА СИБВО

ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ **ПАНИН** (Подпись)

****ЭДЕНБЕРГ** пользуясь служебным положением сожительствовал с артисткой **И.К МАЦУР** прямо в тюрьме, где она была внутрикамерным агентом. Когда **МАЦУР** забеременела, **ЭДЕНБЕРГ** решил от нее избавиться, составил на нее альбомную справку. Иоланту **МАЦУР** освободили так как на нее не оказалось следственного дела.- прим. составителя.*